

ПРОЛОГ

Среда, 9 апреля 1975 года, день
Москва, Кремль

Ночь стояла тёплая, радуя истинной весной, а с утра погода, точно избалованная женщина, раскапризничалась. Небо надулось, вспухло промозглыми тучами, и поплыла ясная даль жалобной акварелью, будто растворяясь в серой, мглистой измороси.

«Переменная облачность, — вспомнил Брежнев прогноз по «Времени», — местами слабые осадки...»

Тихонечко, словно крадучись, он приблизился к закапанному окну. Над мокрой зелёной крышей Арсенала укалывала провисшую хмарь Троицкая башня, выше всех задирая рубиновую звезду. «Книжки» на проспекте Калинина, смазанные сыростью, почти не «читались», а мидовская высотка мерещилась грязно-синей шпильястой тенью.

Леонид Ильич вздохнул — не горестно, не тяжело, а с радостной облегчённостью. Жуткие эшафотные ночи, тошная и мутная дневная пелена, в которой бредёшь из крайних сил, а вырваться не можешь, как в дурном сне, — всё это схлынуло прочь. Словно мыльная пена с плеч долой, лишь окатишь их из банной шайки. А тут и стакана хватило...

Генеральный секретарь ЦК КПСС не удержал в себе развернувшееся, ищущее выхода ликование и коротко просмеялся. Ах, какое же это счастье — ничего не ощущать! Лишь молодой и здоровый парубок не ведает, что у него есть сердце или сосуды... Но когда тебе под семьдесят, каждая болячка ноет, давит, нащёптывая будто: Memento mori!

Генсек фыркнул смешливо, припомнив, как его бесил Суслов ещё на прошлой неделе... Да, за день до охоты, в четверг — Политбюро как раз сбросилось позаседать. Все, главное, усталые, скучные, так и ждут усыпляющего воркованья про великие победы да свершенья, надеются, что ничего-то им не поручат, не прикажут исполнить и доложить, а Михаил Андрейч их правдой наотмашь, по брыластым сусалам! Ещё и руки потирает, будто в азарте — ах? что за проблемка образовалась! Ух? как мы её сейчас!..

Да-а... Пока сам не глотнул «живой воды», не разумел, отчего «человек в футляре», как тишком прозывают Сусллова, вдруг покинул свою незримую тару.

— Э-эх! — крикнул Брежнев, звонко хлопая в крепкие ладоши.

Не приседая за огромный стол, он щёлкнул пальцем по знаменитым «рогатым часам», вписанным в блестящий штурвальчик. «Партия — наш рулевой! — усмехнулся Генеральный. — Как там Костя вчера выдал?.. Пароход... Нет, корабль СССР!»

«Ага! — развеселился Леонид Ильич. — Двадцать пять капитанов вцепились в колесо с ручками, и ты ещё попробуй их убеди рулить дружно! К-коллегиальное руководство, мать вашу... — Он посерьёзней, и лишь слабая, едва намеченная улыбочка, то озор-

ЦЕЛИТЕЛЬ. ДВОЙНАЯ ИГРА

ная, то ехидная, сминала губы. — А не пора ли тебе, Лёня, на повышение идти? М-м?»

Брежнев нервно-зябко помял руки, словно умывая. Блудливая, опасная мысль навевалась к нему с выходных, вкрадчиво стучась в сознание, искушая и маня.

«Командир корабля нужен в единственном числе, иначе толку не будет, — дрогнул генсек, уступив. — Пусть даже с комиссаром за плечами, но один! Один вождь...»

Клацнул замок, и в дверь заглянул Цуканов¹, изгоня думку-соблазнительницу.

— Леонид Ильич, — прошелестел негромкий голос, — к вам товарищ Пельше. Говорит, что вызывали.

— Да-да, пусть заходит! — суетливо отозвался хозяин кабинета, двигая тяжёлыми бровями, как будто разминая лоб.

Сухонький председатель КПК² не вошёл, а проскользнул, юркнул маленькой серенькой мышкой.

— Прошу, Арвид Янович, прошу... — по-барски зарокотал голос Генерального. — Заходи, не стесняйся!

Узкое костистое лицо придавало Пельше образ фанатичного инквизитора, не знающего жалости к врагам церкви, но сейчас оно выражало опасливое удивление.

Леонид Ильич внимательно посмотрел в глаза напротив, светлые и холодные.

¹Георгий Эммануилович Цуканов — старший помощник Л.И. Брежнева.

²Комитет партийного контроля.

— Вы... в курсе операции «Ностромо», — веско начал он, унимая в душе откровенно детское упоенье здоровьем. — Насколько продвинулись чекисты в поисках предиктора?

— Судя по докладам Николая Ефимовича¹, насколько, — покачал лысой головой председатель КПК. В его речи скорей угадывался, чем слышался прибалтийский акцент. — И я бы не ждал особых успехов в течение полугода. Товарищ Андропов правильно ставит задачу — найти, но не спугнуть!

— Согласен, — выразительно кивнул Брежнев. — Вот что... Я не сомневаюсь в Юриной преданности, но... Короче говоря, нужно самим выйти на предиктора, и чем быстрее, тем лучше. — В голосе генсека прорезалась жёсткость: — Мы исполним любые его желания, будем холить и лелеять, но он должен находиться где-нибудь рядом, за высоким забором совершенно секретного и хорошо охраняемого объекта!

Прозрачно-голубые глаза Пельше хищно блеснули, а лёгкая улыбка тронула уголки тонких бескровных губ.

— Понял, Леонид Ильич, займёмся сегодня же.

¹ Николай Ефимович Челноков, генерал-майор. Заведовал сектором КГБ в отделе административных органов ЦК КПСС.

ГЛАВА 1

Вторник, 15 апреля 1975 года, утро
Первомайск, улица Чкалова

Весна потягивалась в дремотной истоме. Робкая и нагая, она нежилась на мягкой травке, опушившей чернозём, стыдливо прикрываясь кипенно-белыми кружевами цветущих абрикосов. Голым ветвям не хватало сквозистого зелёного марева — им деревья окутаются чуть позже, как только распусят первые клейкие листья, но почки уже набухали, словно соски взволнованной девушки.

Где-то далеко на простуженном севере, под Псковом или Ленинградом, в эти самые дни начинался ледоход — рыхлые, раковистые льдины лопались, натужно трогаясь с места, и ясное синее небо удоволенно смотрелось в талые воды.

А здесь, на югах, земля мреет от благодатного тепла. Не того сугрева, что в средней полосе, зыбкого и неверного — отшагнёшь с солнцепёка в тень, и сразу мурашки; нет, держится устоявшийся плюс. Лучезарный воздух истекает запахами буйной жизни, полузабытыми за зиму. Они будоражат воображение и дают волю шальным желаниям...

Щурясь на яркое спелое солнце, я оглядел школьный двор — асфальтированные дорожки, клумбы

с полёгшими космееми, иссохшими на корню, выкрашенная серебрином статуя девочки с лейкой. Юркие первоклашки сновали, как мелкая рыбка в пруду, вопили тонкими голосками и бесились: растрёпанные мальчишки дёргали нарядных девочек за косички, а те давали сдачи — лупили обидчиков портфелями. Пузырящиеся рубашонки, пышные банты и кокетливые фартучки белели напоказ, не прячась под пальтишками и шапками. Теплынь!

Крепко зажмурившись, я подставил лицо лучам — звёздный жар мигом впитался незагоревшей кожей. Вот бы ещё нутром согреться...

Грянул звонок на урок, мешая бравую набатную трель со старческим дребезгом. Пора.

Вопящие малолетки чуть не снесли меня в монументальных школьных дверях. Я быстро поднялся наверх по широкой лестнице с исшарканной ковровой дорожкой — у нас по расписанию урок начальной военной подготовки, а Макароныч терпеть не может, когда опаздывают.

Гулкие отголоски метались по школьным коридорам, разнося стихавший говор и топот. Сворачивая мимо большого зеркала на втором этаже, где скоренько прихорашивались хихикающие семиклассницы, я глянул на своё отражение — не хотелось входить в образ Пьеро. Да нет, лицо как лицо — сжатые губы, жёсткий взгляд. Не совсем в тему для шестнадцати годиков, но мне можно, меня девушка бросила...

Услыхав далёкий командирский голос военрука, прибавил шаг. В классе НВП, чьи стены завешаны плакатами на армейские сюжеты, наблюдалась та же

ЦЕЛИТЕЛЬ. ДВОЙНАЯ ИГРА

весёлая возня, что и парой этажей ниже, в царстве октябрят. Комсомол тусовался.

Красавица Рита аккуратнo и сосредоточенно складывала шпаргалку. Общественница Алла Безродная, наш кудрявый комсорг, строчила заметку для стенгазеты. Драчливый Сосна гнул к парте соседа, вечно мятого Дэна. Тот сопел и бубнил уныло: «Я тя трогаю? Я ж тя не трогаю...»

На свободном пяточке у доски лощёный Женька Зенков разучивал йоко-гери с Дюхой Жуковым, лохматым ясноглазым крепышом. Выходило не очень, хотя выкрик «Ки-и-й-я-я!» в их исполнении звучал весьма натурально.

— Миха, здорово! — крикнул чернявый Паша Почтарь, пробегая мимо и сутулясь, словно под обстрелом.

— Привет, — роняю вдогонку.

— Здравствуй, здравствуй, пень лобастый! — с задорной наглостью продекламировал Дэнчик, вырываясь из цепких рук Юрки Сосницкого, но я не поддаюсь на провокации.

— Миш, ты по матёме сделал? — нарисовался Костя Куракин, прозванный Квочкой, и занял просительно: — Дашь скатать?

— Да там ничего сложного... — достаю из сумки тетрадь. — На.

— Щас я! — радостно засуетился Квочка. — Я быстро!

— Давай...

Увидав меня, Тимоша зарозовелась, глянула виновато, а я, сохраняя на лице серьёзное выражение, подмигнул ей — Зиночка сразу заулыбалась.

Инна сидела рядом с нею, спокойная и отрешённая, теребя кончик роскошной золотистой косы. Бросив на меня рассеянный взгляд, девушка уткнулась в учебник.

Я почувствовал горечь. Ещё позавчера у меня было счастье, а теперь она его отняла. За что, спрашивается?

Плотнее сомкнув губы, я уселся за опустевшую парту.

Не люблю слово «страдание», слишком оно затаскано. Переживал, да. Хотя зля на Инну не держал, понимал же всё прекрасно — возраст, знаете ли...

Воскресенье провёл как в чаду, даже запашок гари витал. То обида накатывала и в глазах пекло, то подступало чувство потери, и тогда меня выедала, выгрызала кручина, окуная в слепой мрак безысходности. А порой в моей бедной голове роились пленительные образы, порхали розовыми бабочками, изгибаясь округло и дразняще, хотя я не видел Инну даже в купальнике. Ну а фантазия на что?..

— Ки-ийя-я!

— Чего это вы тут делаете? — поморщилась Альбина, вытирая доску. — Прямо в ухо крикнул!

— Так полагается, — важно пропыхтел Андрей, неуклюже опускаясь в стойку дзенкуцу-дачи. — Это карате!

— Какое ещё карате? — удивилась Ефимова. — Балет, что ли?

— Фи! — Зенков манерно сморщил нос и веско добавил, снисходя к простушке: — Не путай приёмчики с фуэте.

ЦЕЛИТЕЛЬ. ДВОЙНАЯ ИГРА

— Ой ты, подумаешь! — фыркнула Альбина, кладя тряпку. — Детский сад, штаны на лямках!

Развернувшись, как по команде «кругом», она гордо продефилировала мимо. Стрельнула глазками в мою сторону, в Инкину, но смолчала, лишь незаметно для класса положила мне руку на плечо, слегка сжимая пальцы: держись, мол. Села напротив, через проход, и занялась любимым делом — Изю воспитывать.

— Идёт! — придушенно крикнул Почтарь, заскакивая в дверь и падая на своё место.

В класс стремительно ворвался военрук — невысокий, в меру упитанный, с пышными усами и при полном параде.

— Здравствуйте, бойцы! — бодро воскликнул он.

— Здравия желаем, товарищ майор! — дружно ответил класс.

— Вольно, — сказал Марк Аронович с забавной важностью. — Сегодня мы будем изучать автомат Калашникова...

Одноклассники оживились, подняли шум, задвигались, а Макароныч торжественно отпер самодельный облупленный сейф и вынул парочку АК-74. Мои друзья даже привстали, чтобы лучше разглядеть настоящие огнестрелы.

Мне было неинтересно — в армии насмотрелся, да и не до того. Я обдумывал действительно серьёзный проект для Центра НТТМ. Через силу обдумывал, вопреки, назло! Амурные нелады отлично мотивируют...

Что там тюнингованный ИЖ да сумка на колёсиках! А не замахнуться ли нам на сверхпроводни-

ки? На высокотемпературные? ВТСП — это вам не хухры-мухры, тут Нобелевкой пахнет! Да чёрт с нею, с премией, кто ж её вручит школьнику... Но слава-то придёт! А мне известность нужна срочно, просто позарез — публичного человека куда сложнее упрятать в какое-нибудь секретное узилище со всеми удобствами. Ну не верю я, что Андропов бросил меня искать! Это же его долг, его обязанность — найти и обезвредить...

Макароныч увлечённо повествовал о спусковых механизмах и прочих интересных вещах, а я погрузился в омут памяти.

Проще всего сработать сверхпроводящий купрат из окиси висмута-стронция-кальция-меди. Главное, компоненты найти легко! К тому же у зёрен висмутовой керамики ровные края, они как детские кубики — хватит простого сжатия, чтобы их упорядочить... Нет, лучше по-научному — текстурировать!

Всё портит один мерзопакостный изъян — ток в БИССКО¹ очень уж быстро падает с ростом внешнего магнитного поля. Ну и толку тогда? Лучше всё-таки попробовать ИБКО, хотя там кристаллы больше на бильярдные шары похожи, замучишься текстурировать. А мы их под пресс! Сдавим в «таблетку» — и вуаля...

¹ BSCCO — сокращённое название ВТСП из оксидов висмута, стронция, кальция и меди. Произносится как БИССКО. YBCO — упрощённая формула сверхпроводника из иттрия-бария-меди. Упорядочивание структуры (текстурирование) сверхпроводника необходимо для уплотнения и нужной ориентации кристаллитов, поскольку при прохождении тока в ВТСП зазор между зёрнами должен быть меньше характерного размера Куперовской пары — от долей нанометра до нескольких нанометров.

ЦЕЛИТЕЛЬ. ДВОЙНАЯ ИГРА

На некоторое время я выпал из реальности, блуждая по этажам мироздания, спускаясь всё ниже, туда, где кванты правят бал. Там даже «таблетка» из металлооксидной керамики, крохотная, как двухкопеечная монета, — маленький космос. Холодное дыхание жидкого азота замораживает — и сближает. Все электроны таблеточного пространства гуляют Куперовскими парами — бешено вихрясь в могучем токе, они выталкивают вон магнитное поле, справляя эффект Мейснера¹.

А ниже электронного неистовства, в тёмном подвале Вселенной, таятся чудовищные энергии, сплавляющие пространства и времена...

— Гарин! — строго окликнул военрук.

— Да? — очнулся я от физических грёз.

По классу прокатился смех, а Зенков, мявшийся около учительского стола, с надеждой глянул на меня — в руках он держал затвор.

— Разобрать, — приказал Макароныч, вручая мне «калаш», — и собрать!

— Есть, товарищ майор, — хладнокровно ответил я.

— Время засекаать? — прищурился военрук.

— А давайте!

Майор поднял руку, глядя на часы, и дал отмашку.

— Начали!

¹ Куперовская пара — квазичастица из двух электронов, переносчик заряда в сверхпроводниках. Впервые спаривание электронов было предсказано Леоном Купером в 1956 году. Эффект Мейснера заключается в полном вытеснении магнитного поля из объёма сверхпроводника, что делает возможной квантовую левитацию (та же «таблетка» сверхпроводящего купрата парит над постоянным магнитом).